

По-видимому, этому сообщению вполне можно верить, так как оно стоит в прямой связи с другим, весьма интересным и новым фактом из биографии протопопа Аввакума — с известием о том, что Аввакум «в то же время» посылал в Москву, своим единомышленникам, нарисованные им на бересте «царския персоны и высокая духовныя предводители», сопроводив рисунки «хульными надписаниями» и всяческими «весьма запретительными» словами.¹⁸ Это сообщение открывает новую страницу в многогранной деятельности протопопа Аввакума, показывая впервые, что в борьбе с никонианами он использовал и свои задатки художника, прибега к помощи изобразительных средств.¹⁹

Весьма возможно, что именно эти подметные рисунки и свитки Аввакума, разброшенные в Москве, и разбрасывали страообрядцы во время царского шествия на Иордань. Может быть, их содержание и подхлестнуло людей старой веры и сочувствующих им на резкие выпады против царских «персон», на те выпады, о которых сообщается в «объявлении».

Не это ли открытое и смелое выступление старообрядцев против «высочайших» на земле «власти» послужило одним из веских и непосредственных поводов для принятия на соборе 1681—1682 гг. решения не церемониться больше с главарями старообрядчества и ускорило их конец? Во всяком случае, как можно заключить из «объявления», январские события в Москве вызвали «нарочную» посылку в Пустозерск капитана стрелецкого стреляного полка Ивана Сергеевича Лешукова еще до окончания работы собора. В Пустозерском остроге, как видно из того же источника, им был произведен тщательный сыск (о нем тоже ранее не было известно исследователям Аввакума). Когда все было «ис той лстеца онаго пропасти земной на среду вынято и избличено», Аввакум со своими «злоименными клеветы» был «в струбе сожжен» тем же капитаном Лешуковым: он никогда до этого не упоминался в литературе в связи с Аввакумом.²⁰ Тогда же, вероятно, погибли и все имевшиеся у Аввакума книги, рукописи и рисунки, если их не успели спасти его почитатели.

До нас не дошел или еще не разыскан приговор, который прочел капитан Лешуков протопопу Аввакуму и его единомышленникам в Пустозерске перед казнью. Осмеливаюсь высказать предположение, что автору «объявления» этот приговор был знаком, наряду с какими-то другими, неизвестными нам пока документами об Аввакуме. Возможно, у него в руках были материалы следствия, проведенного капитаном Лешуковым. У нас есть основания теперь полагать, что такие материалы существовали. Из этих документов в «объявление», возможно, перешли отдельные харак-

¹⁸ Указание на «берестяные хартии» тоже, вероятно, правдоподобно. После 1677 г., когда за пустозерскими узниками был усилен надзор (см. 1-й раздел статьи), доставать бумагу, видимо, стало затруднительно. Бересту же в низовьях Печоры употребляли для письма. В Нарьян-Марском музее до 1962 г. хранился (ныне находится в Архангельском областном музее) рукописный сборник, писанный на бересте в начале XVIII в., найденный в 1933 г. неподалеку от Нарьян-Мара. В 1934 г. автору в Пустозерске говорили несколько лиц, что в селении Каменном (низовье Печоры) имелись «аввакумовы грамотки на бересте». Я не придал тогда почему-то серьезного значения этому сообщению, а теперь вот, спустя тридцать лет, приходится задуматься над своей оплошностью и придумывать себе разные оправдания.

¹⁹ Подробнее об этом см.: В. И. Малышев. Рисунки протопопа Аввакума. — Русская литература, 1965, № 2, стр. 154—155.

²⁰ И. С. Лешуков выполнял на Севере особо важные поручения. В начале января 1682 г. он на Мезени объявил А. С. Матвееву и его сыну о помиловании (История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева. СПб., 1776, стр. 339). О нем см.: П. И. Иванов. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853, стр. 229. См. также: ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Боярские книги, кн. 9, л. 308 (817) об.; кн. 12, л. 146.